демократически настроенный автор повести также перерабатывает в этом новом социальном аспекте. Нарушение условий брака в повести заменяется недовольством бояр крестьянским происхождением Февронии. При этом, недовольство это облекается в правдоподобную и в историческом и в бытовом отношении форму: „Княгини же его Февронии боляре его не любяху жен ради своих, яко бысть княгини не отечества ради ея".[1] „Не отечества ради ея" в данном контексте значит „не боярского роду", как и переводит это место одна из более поздних редакций повести. Общий смысл этого эпизода, говорящего об укладе древне-русского княжеского двора, полностью раскрывается ниже: „И по мнозе же времени приидоша к нему сь яростию боляре его, ркуще: «Хощем вси, княже, праведно служити тебе и самодержцем имети тя. Но княгини Февронии не хощем, да господьствует женами нашими. Аще хощеши самодержьцем быти, да будет ти ина княгини. Февроиа же, взем богатество доволно себе, отоидет амо же хощет»".[2] От традиционного сказочного изложения здесь сохранилась даже целая формула: пусть Феврония, взяв свое богатство, идет, куда хочет. Но в целом этот эпизод совершенно изменен на основе исторических преданий об укладе жизни древне-русского княжеского двора и современных автору представлений о боярской верхушке как силе, враждебной князю.

В описание недовольства бояр вклинивается эпизод превращения Февронией хлебных крох в фимиам. П. Владимиров в этом случае видел отражение сказки. „Княгиня, — говорит он, — выходит из-за стола, кладет в рукав крохи со стола; из этих крох выходит ладан и добровонный фимиам. Так переделал благочестивый повествователь известный сказочный мотив о мудрой вещей женщине: на пиру она кладет в рукава кости и всякие остатки, после махнет рукавом, и из этих остатков выходят чудесные предметы, драгоценности, — даже сады и дворцы".[3] Но вряд ли можно в данном случае согласиться с мнением П. Владимирова. Интерпретация этой картины в повести агиографическая: она необходима для характеристики Февронии, благодаря ей автор показывает, что „богу прославляющу ю добраго ради жития ея". Весь этот вставной эпизод должен быть отнесен за счет творчества автора повести, что доказывается его связью с описанием недовольства бояр крестьянским происхождением Февронии; обычай Февронии после обеда собирать со стола хлебные крошки в руку раздражает боярынь, лишний раз напоминая им, что ими „господствует" княгиня „не отечества ради ея", — и вот „некто от предстоящих ей" направляется к князю с целью „навадити на ню" и т. д.

Подобно сказке и в повести говорится об изгнании и возвращении героев. Здесь эта картина дается с любопытными бытовыми и истори-

---

[1] См. ниже, стр. 237.

[2] См. ниже, стр. 237—238.

[3] П. В. Владимиров. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896, стр. 146.